

"Мой прекрасный страшный век". Памяти Ирины Вербловской

Север. Реалии

15 августа 2026

 Приоритетный источник в Google

Ирина Вербловская

Этим летом Петербург потерял Ирину Вербловскую (1932-2026) – писателя, автора исследования "Горькой любовью любимый. Петербург Ахматовой" и мемуаров "Мой прекрасный страшный век", краеведа, диссидентку, бывшую политзаключенную.

"Сейчас это смешно выглядит: ну, посидели, потрепались, чай попили, она приготовила винегрет и сказала, что он – как красное знамя, того же цвета. И ведь эти слова ей потом следователь выдавал, когда на неё наступали. Это был компромат", – вспоминает в разговоре с Север.Реалиями дочь Ирины Вербловской **Ася Миллер**.

В 1957 году за такие слова можно было получить срок. Ирина Вербловская его и получила. Её арестовали 28 марта 1957 года. Следствие интересовали разговоры о

венгерском восстании, о советской власти. Интересовал человек, с которым она жила, – математик, диссидент Револют Пименов. Интересовали дневники, записные книжки, знакомые. И, как выяснилось, винегрет.

Вербловская сначала получила два года. Потом срок увеличили до пяти.

| На коленях у Кирова

Исаак Осипович Вербловский с дочерью Натальей, 1915

Она родилась 14 мая 1932-го в Ленинграде. Ее дед Исаак Вербловский приехал в Петербург с женой Полиной на рубеже XIX-XX веков, поселился на Загородном, 28 и открыл зубоучебный кабинет. Как еврей с высшим образованием (Дерптский университет) он имел право проживать вне черты оседлости.

Их дочь Наталья (мама Ирины Вербловской), отдыхая с родителями на даче, познакомилась со знаменитым юристом Анатолием Федоровичем Кони и под его влиянием поступила на юридический факультет Петербургского университета. "Култ Кони, существовавший в нашем доме, и деятельное участие бабушки в нашем образовании и воспитании стали тем замесом, на котором выросли мы с Юрой, моим братом-

близнецом", – [вспоминала](#) Ирина Вербловская в интервью, данном в 2019 году изданию "Город-812".

В 1929 году ее отца и мать выслали на три года из Ленинграда за связи с иностранцами. Они вернулись в 1932 году. Когда в семье родилась двойня, им дали на Петроградской стороне две комнаты в большой коммуналке, которую Ирина Вербловская вспоминала с нежностью: "с соседями нам очень повезло: в квартире царил дух доброжелательства". Бабушка Иры и Юры Вербловских в совершенстве владела немецким, английским и французским языками, давала уроки детям из артистических семей. Связи у нее были обширные, она знала даже Ягоду, который пытался за ней ухаживать.

– Когда её в 1937 году арестовали, дед помчался к Ягоде, и через день её выпустили. Она была адвокатом, мама потом дружила с её подругами и всей адвокатской элитой. Когда двум красавцам-близнецам было полтора года, и с ними, красиво одетыми, гуляла няня, они посидели на коленях у Кирова. С этого и началась

Полина Ильинична Вербловская с дочерью Натальей, 1903 год

мамина революционная деятельность, – иронизирует дочь Ирины Вербловской Ася Миллер.

"...бабушка завела такой порядок, что мы с братом, по достижении нами пяти лет, один день разговаривали по-немецки, а другой день по-английски. Французский, как нам тогда пояснили, имел более сложное произношение, и мы должны были учить его потом. Но потом, как известно, никогда не наступает, есть только сейчас. Потом началась война..." – вспоминала Ирина Вербловская.

было..."

"Трупов на улицах уже не

Ира Вербловская с братом Юрой, Ленинград, 1935

Летом 1941 года мама Иры и Юры умерла от туберкулеза. Первую блокадную зиму семья прожила в Ленинграде.

– В эвакуации они были в Башкирии, в Бирске. В 1943 году бабушка умерла от рака кишечника. Маме с братом было 11 лет. Отец жил отдельно в Мурманске, он присылал деньги, но получить их могла только бабушка, деньги возвращались. Тогда он полетел к ним, но самолет попал в аварию. Он выжил, но попал в больницу, 4 месяца дети были одни. Они продавали вещи, у них осталось одно пальто и одни сапоги на двоих. Ходили в школу через день, спасли их американские супчики, – рассказывает Ася Миллер.

Приехав к детям, отец заплакал, увидев, как они дерутся из-за одной крупинки в супе. Он перевез их в Красноярск, а в 1944 году вызвал домой, в Ленинград.

"Я так волновалась, когда мы ехали в поезде..., даже не могла говорить... Трупов на улицах уже ...не было, но раны на теле родного города я увидела: остовы сгоревших

стен, пробитые насквозь дома, внутри которых была видна домашняя утварь... Много нерасчищенных завалов, заклеенные крест-накрест окна и разрисованные яркой краской дома на Дворцовой набережной – это была маскировка на случай авианалетов. Но я очень быстро почувствовала, что вернулась домой. Это произошло, когда я увидела Неву с Троицкого (тогда – Кировского) моста", – вспоминала Ирина Вербловская.

В 1949 году она окончила школу. Не поступив на филфак Ленинградского университета, уехала в Тарту, через полгода перевелась с филфака Тартусского университета на исторический факультет ЛГУ, который закончила в 1954 году. В 1953, когда умер Сталин, Вербловская поехала в Москву, ей удалось увидеть вождя в гробу.

После университета она год проработала учителем в Архангельской области, вернувшись в Ленинград, преподавала в вечерней школе и работала в БАН (Библиотеке Академии наук), где познакомилась с Револьтом Пименовым.

| Красный как знамя винегрет

Математик, диссидент, правозащитник Револьт Пименов (1931 – 1990 гг) свое имя получил в честь журнала Le Revolte (бунт) анархиста Петра Кропоткина. В 1947 году ученик ленинградской 155 мужской школы Револьт Пименов выступал за права учащихся и ушел из школы со скандалом. Был принят в другую, в 1954 году закончил математико-механический факультет Ленинградского университета. За годы студенчества успел изучить философию, историю, несколько европейских и древних языков, китайский и арабский.

Револьт Пименов

В 1949 году Револьт Пименов попытался выйти из комсомола – и попал в психиатрическую клинику. В 1956 году, возмущенный подавлением венгерского восстания, написал "Венгерские тезисы" и создал организацию по борьбе с советской властью. Его арестовали в марте 1957 года за листовки против безальтернативных выборов и осудили на 10 лет, несколько членов организации тоже сели на разные сроки. В заключении он написал несколько выдающихся работ по космологии и лингвистике. По ходатайству академика М. Келдыша и поэта А. Твардовского в 1963 году был освобожден досрочно. В 1970 году сослан на 5 лет под Сыктывкар.

В 1970-х-80-х годах Револют Пименов активно занимался правозащитой и самиздатом, участвовал в издании бюллетеней "[Хроника текущих событий](#)" и "Вести из СССР", альманаха "[Память](#)". В 1990 стал народным депутатом РСФСР от Коми АССР, был членом Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР и Комитета по законодательству Верховного Совета РСФСР. Он автор трех циклов научных работ по математике и теории относительности, нескольких пьес и работ по политической истории России, один из первых переводчиков книги "Властелин колец" Дж. Толкиена.

Еще до ареста Пименова в 1957 году Ирина Вербловская стала его гражданской женой. Разговоры о венгерских событиях велись у них дома. Позже она [вспоминала](#): "Я постоянно бегала между кухней и комнатой, краем уха слышала разговоры. Во время одной такой беседы кто-то произнес: "Нельзя революцию внести на штыках!", а я добавила: "...В том числе и на красных!". В целом, ничего серьезного, но эту реплику мне тоже вменили в вину".

28 марта 1957 года Ирина Вербловская была арестована по обвинению в антисоветской пропаганде в составе молодежной "организованной группы" (Пименов, Заславский, Вайль). В качестве компромата ей, кроме прочего, предъявили тот самый "красный, как знамя, винегрет".

Ирина Вербловская окончила курсы машинописи и печатала написанные Пименовым обращения к членам Верховного Совета СССР с требованием вывести советские войска из Будапешта.

– Когда она увидела, что стало реально опасно, она собрала чемоданчик со всеми дневниками и записными книжками Революта и решила подружке передать – не зная, что подружка работала на КГБ – так что передала напрямую. Вот тут-то её и замели. Ей говорят: "Будьте разумной, говорите то, что мы хотим услышать". Она решила быть партизаном на допросе. И когда она говорила: "Я сидела ни за что" – это было реально ни за что. – говорит Ася Миллер.

Вербловскую приговорили к 2 годам, потом срок увеличили до 5.

– Первый год это была одиночка на Шпалерной, в Большом доме. Она сразу научилась перестукиваться, – говорит Ася Миллер. – Каждый день полчаса прогулка, раз в 10 дней душ на 10 минут, раз в 10 дней можно было брать книжки из библиотеки. Она брала большой англо-русский словарь, для хоть какого-то интеллектуального роста. После Шпалерной ее отвезли в Сибирь, там они немножко построили БАМ, потом 3 года в Мордовии, где был последний и единственный политический женский лагерь.

| Таз с павлинами

По словам Аси Миллер, сиделось ее маме тяжело – через 2 месяца она заболела плевритом, лежала в больнице.

– Там мужики валили лес, а бабы его запихивали на подводы. Две Ирочки бились с этими бревнами, Ирочка беленькая и Ирочка черненькая, и однажды один конвоир не выдержал: "Бабы, отойдите, я всё за вас сделаю, не могу видеть, как вы работаете". Но, кстати, она говорила, что на тяжёлых работах сильно окрепла. Ну да, здоровый образ жизни. Жила на воздухе, не переедала. Физкультурой занималась. Голода не было, просто скудно кормили. Были и посылки со вкусненьким. Потом её обучили бухгалтерскому делу, на время убрав с тяжелых работ.

Кроме физических тягот в лагере, по словам Аси, у ее мамы были и специфические сложности в отношениях с некоторыми заключенными.

– В политическом лагере был просто животный антисемитизм. Там было очень много сектанток (я раба Божья, не хочу получать паспорт). Они к русским относились хорошо, а к еврейке – нет. Правда, некоторые баптисты вокруг мамы прыгали – только перейди в наш баптизм, и тогда все наши грехи замоются. А остальные – "изыди, Сатана". А у мамы нет никаких еврейских знаний, она ассимилированная. Ей повезло, что там было несколько старых евреев, которые её поддерживали, опекали.

Свой арест и заключение Ирина Вебловская описала в книге "Мой прекрасный страшный век". Она, в частности, рассказывает там о появлении в лагере возлюбленной Бориса Пастернака Ольги Ивинской с дочерью Ириной Емельяновой.

"Новеньких зечек почему-то поместили в инвалидный барак... Первое, что меня удивило – желтый эмалированный таз с яркими павлинами около их нар... цветовой прорыв в нашей унылой повседневности... Оказалось, что статья у них не 58-я, а уголовная – контрабанда. Почему же их привезли в политзону? Подельницы-родственницы – почему их не разлучили? Ответы звучали неубедительно... Стало ясно, что это посмертная месть поэту за его независимость, и юридические концы с концами не связываются...", – из книги Ирины Вебловской "Мой прекрасный страшный век".

Две Ирины пересеклись в лагере всего на год, но их дружба продлилась 60 лет.

– Мы познакомились в снежном Тайшете в 1960-м году, она заканчивала свой пятилетний срок, я начинала свой трехлетний, – говорит **Ирина Емельянова**.

Она вспоминает, что в Тайшете ее подруга работала возчиком.

Вербловская на Тайшетской трассе,
1960

– Она возила на кляче бочки с водой. Кстати, иеговистки с Украины, крепкие краснощекие тетки, очень помогали ей – и лошадь запрягали, и бочки таскали, никакого "животного антисемитизма" у них не было, и мне тоже они помогали. Потом лагерь переехал в Мордовию, зона более комфортабельная, водовозы не нужны, и Ира работала, как все в бригаде – парники, сбор шишек, прополка... Дружила, как и я, с литовками, "лесными сестрами". Особенно помню Ниеле Гашкайте, прекрасный человек, она организовала в перестройку первый архив оккупации. Увы, рано умерла, мы встречались втроем у Иры в Питере, у меня в Москве, у нее в Шауляе. А наша дружба с Ирой продолжалась и "на воле", конечно. Я ее очень любила и ценила.

В своей книге Ирина Вербловская рассказывает, как вскоре после освобождения получила от подруги из лагеря самодельную открытку с тюльпанами: "Милый чижик!.. Весна в этом году печальная. Не хватает кое-кого. Весьма". Вербловская с нежностью пишет об этой дружбе: "Мы бесконечно дороги друг другу. Такого рода обретения пенитенциарная система не предусматривает. Лагерь – место, где человек человеку волк. Но мы были людьми в условиях, которые человеческими можно назвать с большой натяжкой".

В своих мемуарах Вербловская описывает невероятные судьбы самых разных женщин, с которыми она встретилась в ГУЛАГе.

Вот Юля Панькив, которая "работала у Бандеры, была максимально доверенным лицом в штабе УПА". Вот Ася Теппонен, севшая за то, что на выборах написала на бюллетене, что надо кормить народ не обещаниями, а колбасой. Вот Елена Горбачева, выпускница томского филфака: оставшись одна с ребенком после самоубийства мужа, согласилась работать переводчицей в лагерях для военнопленных, вела дневник, и когда в 1952 году они с сыном-десятиклассником вернулись в Москву, их обоих арестовали. "Доказательством антисоветской

Книга Ирины Вербловской "Мой прекрасный страшный век"

деятельности сына было его детское стихотворение "Подснежник" со строчкой: "Я не простой подснежник, я советский!" – этот подснежник потянул на 8 лет лагерей, дневники Елены на 25. Вот уголовницы, лесбийская пара Клара Клейман и Лиза Немова, специально севшие по 58-й статье, чтобы облапошивать недотеп-политических. Клара стащила у Вербловской кофту, а когда это раскрылось, угрожала ее убить. Вот Любовь Аникеева, родившаяся в Харбине в семье русского офицера, вернувшаяся на родину отца и севшая на 25 лет за "шпионаж", вот Шева Рубштейн, погоревшая на поиске для дочек учителя иврита (значит, собирается в Израиль).

А грузинская колхозница Нателла после XX съезда написала несмываемой краской на боку у поросенка фамилию Хрущева. "Так и бегал поросенок! Никто не решался заколоть такую

именную животину! Ей же и велели это сделать, а потом осудили по 58-й статье..." Вот Римма Шорникова, "жертва международного молодежного фестиваля", позже таких назовут "интердевочками", вот портниха Вера Лукина, на которую донесла заказчица, вот участница вооруженного подпольного сопротивления в Литве Ядзя Жординскайте, – бесконечная вереница трагических судеб.

"Город – это моя родина"

Находясь в лагерях Вербловская и Пименов как-то умудрялись передавать друг другу письма.

– Когда они оба освободились, попробовали опять жить вместе, но он обращался с ней с теми же деспотическими замашками, которые был у него и раньше, а она сказала: "Я уже не та девочка". И они разошлись. Для Революта, великого математика, академик **Александров** выбил разрешение вернуться в Ленинград. А когда мама вышла в марте 1962 года, ей нельзя было жить ни в одном большом городе, и она поселилась в Калинин.

Револьт Пименов и Ирина Вербловская, 1963

Возвращение к нормальной жизни после заключения давалось Ирине Вербловской нелегко. Ирина Емельянова дала ей рекомендательные письма к своим московским друзьям.

– И те искали, кто примет сиделицу из мордовских лагерей, – рассказывает подруга Вербловской **Тамара** (*мы не называем фамилии некоторых собеседников из соображений безопасности*). – Дошли по цепочке до **Елеазара Мелетинского**, он написал небольшое письмишко: "Отдайте Ирине и пусть она едет в Петрозаводск. Там её примут". Это было письмо к Чистовым: Белла Ефимовна германист, а **Кирилл Васильевич** – фольклорист и этнограф с европейским именем. Ире купили билет в Петрозаводск. Она рассказывала: "Я, дрожа, позвонила в звонок. Дверь открыла Белла Ефимовна. Я протянула ей записочку. И в следующую минуту у меня было такое чувство, что меня ждали здесь всю жизнь".

Семья Чистовых приютила Вербловскую, но работу для нее удалось найти только в Калининне – сначала в Доме народного творчества, потом в краеведческом отделе Дворца пионеров. В 1963 году ей разрешили вернуться в Ленинград, где удалосьстроиться на работу в Городское экскурсионное бюро.

– Каждый год в день своего выхода из лагеря, 28 марта она собирала у себя близких людей, – вспоминает Тамара. – При этом она с трудом после лагеря входила

Ирина Вербловская с дочерью Асей.
1973 год

обратно в жизнь. Родила Асю, очень трудно ее поднимала, одна – на зарплату экскурсовода.

На ее экскурсии, которые она водила почти до самых своих последних дней, было не попасть.

– Экскурсовод – это ведь отчасти артист, для которого сцена – его город. Ирина Савельевна и была таким артистом, – говорит питерский экскурсовод **Мария**. – Хотя она была маленького роста, но очень выносливая, неутомимая. За городом надо выходить из автобуса и в снег, и в дождь, и люди часто уже думают, как бы вернуться в тёплый автобус. Она это видит, но понимает, что должна им все показать, и делала это так, что усталость с них слетала. Сама она вообще была неприхотлива, например, в поезде ездила в плацкартном вагоне на верхней полке, даже когда ей было за 80. Я говорю – ну почему не на нижней? – "А

ничего, нормально"... Из ее авторских экскурсий я бы выделила "Репрессированный город". Про действительно искореженный, с чудовищными людскими потерями город. Я это знала, не с Луны свалилась, но когда узнавала от Ирины какие-то новые подробности, то возникало понимание тотального погрома, который город пережил тогда.

Ирина Вербловская

Московский экскурсовод **Евгений Шляхтер** тоже помнит эту экскурсию.

– Она подробно рассказывала про разные группы репрессированных – иудеи, ассирийцы, поляки, все, кому памятники стоят на Левашовском кладбище. Вообще, в Питере Ирина была знаковой фигурой – нестигаемый борец, прошедший ГУЛАГ и не приемлющий советское и российское жлобство. Когда началась война, она очень переживала за молодых людей. Говорила, что ей уже всё равно, а им всё это предстоит испытать и расхлёбывать последствия.

Близко знавшие Верблицкую говорят, что приближение катастрофы она предчувствовала.

– Я запомнила, как мы в Комарово едем, и такие дороги там хорошие, а она говорит: "Вот, дороги построили, готовятся к войне", – рассказывает близкая подруга Вербловской **Анна**. – Я говорю: "Ирина Савельевна, да что вы! Это – в Финляндию ездить за сыром, за рыбой, в музей". Она говорит: "Ну-ну. Посмотрим".

Ирина Вербловская на даче

Из интервью Ирины Вербловской (2019 год): "...будущего нашей страны не вижу. Та идея, которой отдали XX век, провалилась, а новую так и не создали. Хотя люди в других странах живут и без всякой идеи, они просто честно работают, но у нас так не получается... То нам весь мир надо осчастливить, мы же великая держава, а собраться и внутри все обустроить – никак не получается....

...Я люблю Ленинград/Петербург больше, чем остальную Россию. Город – это моя родина, и никакой другой у меня нет".

Этот контент также в категориях

Культурный дневник

Регионы

История.Север